

УДК 347.71:004.738.5

DOI: 10.34670/AR.2026.24.77.024

Правовые модели регулирования децентрализованных цифровых активов в призме публичного и частного права**Сагалаева Евгения Сергеевна**

Доктор философских наук,

Кандидат юридических наук, доцент,

Кафедра гражданского права и процесса,

Северо-Кавказский федеральный университет,

355009, Российская Федерация, Ставрополь, ул. Пушкина, 1;

e-mail: 9624390000@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается понимание децентрализованных цифровых активов в законодательстве и судебной практике. Проведен анализ различных подходов к определению криптовалюты как децентрализованного цифрового актива, ставшие объектом исследования в научной литературе. Представлен опыт правового регулирования в законодательстве отдельных стран, обобщены благоприятные и жесткие правила обращения криптовалют. Особое внимание уделено проблемным аспектам: неопределенность в вопросах гражданско-правового статуса децентрализованных цифровых активов и гарантии защиты владельцев таких активов. Подчеркивается необходимость дальнейшей научной и правовой разработки децентрализованных цифровых активов, формирования понятийно-терминологического аппарата и развития регулирования децентрализованных цифровых активов в рамках правовых экспериментальных режимов.

Для цитирования в научных исследованиях

Сагалаева Е.С. Правовые модели регулирования децентрализованных цифровых активов в призме публичного и частного права // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 12А. С. 222-229. DOI: 10.34670/AR.2026.24.77.024

Ключевые слова

Деньги, имущество, цифровой актив, децентрализованные финансы, цифровая валюта, криптовалюта, правовое регулирование, гражданское право.

Введение

Поскольку традиционные активы все чаще переходят на платформы на основе блокчейна, а центральные банки вводят цифровые валюты, понимание того, как технологии трансформируют традиционное финансовое регулирование, становится первостепенной задачей. Самой популярной цифровой валютой является криптовалюта, основанная на технологии блокчейн, обладающая потенциалом для революционных изменений в финансовой индустрии. Большинство криптовалют основаны на децентрализованных сетях. Уникальные свойства криптовалюты - его децентрализованная сеть, непрерывная торговля и технологическая доступность позволили ей прочно укорениться в финансовом мире. В то время как традиционные финансовые активы поддерживаются и контролируются централизованным органом, выпуск и обращение осуществляется на распределенной системе, где транзакции проверяются и регистрируются несколькими компьютерами, называемыми узлами. Эта децентрализованная архитектура устраняет необходимость в посредниках, таких как банки, способствуя переходу к системам, не требующим доверия, что позволяет взаимодействовать сторонам без какой-либо предварительной доверительной связи.

В последние годы популярность криптовалют резко возросла и, как ожидается, будет расти и в будущем. В 2024 году общий уровень владения криптовалютами составил 6,8%, при этом около 560 миллионов человек во всем мире владели криптовалютами. [Гупта и др., 2025] По информации ресурса Tadviser, Россия заняла лидирующую позицию по объему операций с криптовалютами среди европейских стран. В период с июля 2023 года по июнь 2025 года объем транзакций криptoактивов в России достиг \$376,3 млрд. Показатели России значительно превысили результаты других крупных европейских рынков. Объем операций Великобритании за аналогичный период составил \$273,2 млрд. Германия зафиксировала \$219,4 млрд транзакций. Франция заняла пятое место с показателем \$180,1 млрд. [Криптовалюты в России, www.tadviser.ru]

В России децентрализованные цифровые активы регулируются лишь косвенно, на уровне нескольких федеральных законов, через положения Гражданского кодекса РФ, Налогового кодекса РФ, Федерального закона «О цифровых финансовых активах и цифровой валюте», что оставляет пробелы в защите владельцев криптовалюты, инвесторов и целостности рынка. Необходимость правового регулирования этой сферы сегодня признается и государством, и бизнес-сообществом. Рынок давно активен и существенно опережает законодательство. В прошлом году ввели разрешение на использование криптовалюты в трансграничных расчетах в рамках экспериментального правового режима, но расплачиваться ими можно только под контролем Банка России. Стала легальной добычей криптовалюты при отсутствии в стране налаженного механизма реализации криптовалют.

Основная часть

Криптовалюты считаются популярным инвестиционным инструментом, несмотря на их высокую волатильность, неопределенность государственного регулирования, риски безопасности, ограниченную ликвидность и лишь виртуальное существование. Россия относится к числу стран, проводящих активную деятельность по развитию цифровых денег. Государственное регулирование является ключевым фактором повышения доверия к развивающимся финансовым рынкам. Юридические правила претерпевают существенные

изменения, от полного запрета до введения строгого регуляторного контроля и налогового бремени. Цифровой рубль (ЦБЦБ), выпущенный Банком России для снижения зависимости от физической валюты, помогает заполнить пробел между децентрализованными активами и традиционной денежной системой. Он предлагает безопасную и юридически признанную альтернативу децентрализованным цифровым активам. Это обеспечивает легальное юридическое существование цифровым активам и решает проблему незаконности, волнующую инвесторов. Поддерживаемая правительством цифровая валюта Банка России повышает доверие инвесторов, обеспечивая безопасную, хорошо структурированную и законную среду.

Сегодня Россия, по разным оценкам, относится к числу стран, проводящих активную деятельность по развитию цифровых денег. Другие страны также интегрируют цифровую валюту в свои финансовые системы и легализуют ее. Наиболее структурированным и унифицированным является регулирование в ЕС благодаря Регламенту о рынках криптоактивов (MiCA). Этот рамочный закон, один из нескольких шагов, которые MiCA стремится предпринять для обеспечения юридического признания всех цифровых активов, включая криптовалюты, стейблкоины в качестве активов в целом на всей территории 27 государств-членов. Закон принят в прошлом году и призван обеспечить эмитентам и поставщикам услуг правовую определенность, а также гарантировать высокий уровень защиты инвесторов и потребителей. MiCA вводит номенклатуру для разграничения различных категорий цифровых активов, создает три различные категории криптовалют: токены, привязанные к активам, токены электронных денег и другие криптоактивы. Нормативно-правовые требования различаются для каждой категории, и эмитенты и поставщики услуг должны соблюдать стандарты прозрачности, раскрытия информации и управления. В случае со стейблкоинами, например, регулирование гораздо строже из-за потенциального влияния, которое они могут оказать на денежно-кредитную политику и финансовую стабильность. [Рахман и др., 2025]

Применив уникальный подход, Департамент финансовых услуг штата Нью-Йорк (NYDFS) в 2015 году ввел BitLicense - специализированную бизнес-лицензию для криптовалютной деятельности,званную контролировать криптовалютный сектор. BitLicense требует от крипто-компаний, работающих в Нью-Йорке, соблюдения строгих стандартов соответствия в отношении борьбы с отмыванием денег (AML) и правил «зная своего клиента» (KYC). Приоритет прозрачности и подотчетности позволяет Нью-Йорку снизить риски для инвесторов, одновременно стимулируя рост отрасли. Однако жесткие требования BitLicense вызвали критику в связи с тем, что они подавляют инновации, и небольшим крипто-компаниям сложно покрыть высокие затраты на соблюдение требований, связанных с лицензией, что фактически создает барьер для входа на рынок. Несмотря на эту критику, Нью-Йорк остается важным центром криптовалют благодаря своей развитой финансовой экосистеме и доступу к капиталу, подавая пример другим регионам США, стремящимся сбалансировать инновации с защитой потребителей. [Берджесс, Лю, 2025]

Китайское правительство заняло жесткую позицию в отношении криптовалют, запретив все криптовалютные транзакции и майнинг. Государство Китая обеспокоено финансовой стабильностью, оттоком капитала и энергопотреблением такой нестабильной валюты. Между тем Китай лидирует в инновациях в области цифровых валют центральных банков (CBDC), введя в финансовую систему проекта цифрового юаня.

В отличие от этого, Сингапур давно позиционирует себя как глобальный центр инноваций в сфере цифровых платежных токенов, вводя разумные и четкие правила, способствующие расширению экосистемы. В 2020 году Валютное управление Сингапура (MAS) приняло Закон

о платежных услугах, режим лицензирования услуг цифровых платежных токенов, который также распространяется на криптовалютные биржи.

Япония была одной из первых стран, регулирующих цифровые активы, еще в 2017 году, когда признала ВСТ законным платежным средством. Кроме того, Японское агентство финансовых услуг (FSA) контролирует регулирование криптовалютных бирж и ограничивает транзакции зарегистрированными биржами. [Кавалоски, 2024]

Пристальное внимание работе криптобирж придают также в Южной Корее, где произошло несколько крупных хакерских атак и случаев мошенничества, что привело к принятию очень строгих требований AML (Anti-Money Laundering) и KYC (Know Your Customer) для криптовалютных бирж. В 2023 году в Южной Корее был принят Закон о защите пользователей виртуальных активов (VAUPA), вступивший в силу в июле 2024 года, который установил специальный режим регулирования для криptoактивов, не классифицируемых как ценные бумаги. VAUPA дает широкое определение виртуальным активам, запрещает недобросовестную торговую практику и налагает строгие обязательства на поставщиков услуг виртуальных активов. [Джон, Ян, 2025]

Индия гораздо более консервативно относится к криптовалютам, колеблясь между предложениями полного запрета и потенциальным регулированием существующих наименований. В 2021 году индийское правительство рассматривало идею законопроекта о запрете всех частных криптовалют и обеспечении официальной цифровой рупии.

Сегодня глобальная нормативно-правовая база в отношении децентрализованных цифровых активов достаточно изменчива, и все еще развивается, при этом страны, занимают совершенно разные позиции, исходя из своей конкретной правовой, экономической и политической среды. Некоторые страны рассматривают децентрализованные цифровые активы как инновационный инструмент и интегрировали его, другие же проходят долгий путь, придерживаясь консервативных или даже запретительных, императивных мер в отношении децентрализованных цифровых активов. Финансовый мир приближается к возможности раскрыть потенциал децентрализованных активов, используя технологии блокчейна.

Реакции юрисдикций значительно различаются, от гармонизированной системы MiCA в ЕС до фрагментированного и ориентированного на правоприменение подхода в США, а также разнообразных стратегий в Азии.

Что касается российского регулирования децентрализованных финансовых активов, следует отметить, что последние два года были беспрецедентными в принятии нормативных положений по обороту криптовалюты, но до сих пор правила организации выпуска и обращения цифровой валюты законодательно не определены. Важно отметить, что спрос на криптовалюты среди россиян продолжает расти. Агентство РБК отмечает, что в первой половине 2025 года запасы криптовалют у россиян выросли примерно на треть. Пока текущие российские законы не запрещают физическим лицам приобретать криptoактивы и заключать гражданско-правовые сделки с криптовалютой, но остаются открытыми важные вопросы гражданско-правового статуса децентрализованных финансовых активов и гарантии защиты владельцев таких активов. Законодательство предоставляет возможность судебной защиты прав владельцев цифровой валюты только при условии информирования ими о фактах обладания цифровой валютой и совершения гражданско-правовых сделок и (или) операций с цифровой валютой в порядке, установленном законодательством Российской Федерации о налогах и сборах. То есть субъективные гражданские права владельцев цифровой валюты, не считаются обеспеченными при выполнении определенного условия, предусмотренного налоговым законодательством.

Цифровая валюта в России признается имуществом преимущественно с целью осуществления государственного контроля, противодействии преступлениям и незаконным транзакциям, например, в положениях Налогового кодекса РФ, Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», Федерального закона «О противодействии коррупции» и других. Также следует отметить, что в цивилистической сути криптовалюты абсолютная неопределенность прослеживается и в судебной практике. Чаще всего суды признают цифровые валюты имуществом в делах о банкротстве. Криптовалюту фактически признал имуществом и Верховный суд в определении по делу №44-КГ20 – 17-К7 в начале 2021 года по делу Попов А. против ПАО «Сбербанку». Эксперты отмечали важность этой позиции Верховного Суда РФ, «потому что в судебной практике существует своего рода «правовая шизофрения»: суды принципиально по-разному смотрят на криптовалюты при разрешении споров». [Соловьева, www.pravo.ru] Правовая позиция Гражданской коллегии ВС РФ заключалась в том, что «передав свое имущество (криптовалюту) взамен полученных денежных средств» заявитель преследовал определенную экономическую цель и в его действиях нет ничего не правомерного. Еще одна знаковая правовая позиция для определения правового статуса криптовалюты – это мнение Конституционного суда РФ. 13 ноября Конституционный Суд рассмотрел жалобу Николая Шумакова на ч. 6 ст. 14 Закона о цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ, на основании которой заявителю было отказано в защите его прав из-за неуведомления ФНС о наличии цифровой валюты. Отказ судов трех инстанций Николаю Шумакову в истребовании цифровой валюты, представитель заявителя расценивал как неправомерный, указывая, что норма ч. 6 ст. 14 Закона о цифровых финансовых активах, цифровой валюте неконституционна, поскольку реализация конституционного права на судебную защиту является безусловной и не может ставиться в зависимость от исполнения каких-либо административных регламентных обязательств. С доводами заявителя представители государства не согласились. Новый судебный кейс указывающий на дисбаланс в гражданско-правовых отношениях.

Вместе с тем актуальным остается вопрос о месте цифровой валюты в системе объектов гражданских прав, поскольку цифровая валюта, как уже упоминалось, признана имуществом лишь для целей определенных федеральных законов. В научной литературе есть любопытное мнение о том, что «цифровая валюта – это отдельный новый вид абсолютных прав, существование которого по общему правилу является бессрочным и не связано с существованием ни вещи, ни объекта интеллектуальных прав и признается абсолютным безобъектным правом». [Ионцев, 2025] Многие ученые отмечают наличие неопределенности в цивилистической классификации и сути криптовалюты при наличии ее легальной дефиниции. Легальное определение цифровой валюты в положениях Федерального закона «О цифровых финансовых активах и цифровой валюте», безусловно, не является идеальным и, к сожалению, не дает прямого ответа на фундаментальный и первостепенный вопрос о правовой природе криптовалюты: о том, к какому конкретно объекту гражданских прав из перечисленных в ст. 128 ГК РФ она относится. [Успенский, 2023]

Легальная дефиниция цифровой валюты в Федеральном законе «О цифровых финансовых активах и цифровой валюте» продолжает подвергаться критике. Несмотря на разрозненность научных подходов в вопросах определения гражданско-правовой сущности децентрализованной цифровой валюты, следует согласиться с мнением М.А. Успенского о том, что криптовалюта представляет собой имущественное (обязательственное) право, поскольку,

такая научная гипотеза соответствует понятию цифровой валюты в законодательстве РФ и технической сущности криптовалюты. [Успенский, 2024]

Следует констатировать, что децентрализованные цифровые активы не подпадают под легальное определение цифровой валюты, в Гражданском кодексе Российской Федерации не закреплено понятие цифровой валюты, которая существует как объект, хоть и запрещенный к оплате. [Степаненко, Гармышев, 2025] Понятийно-терминологический аппарат не сформирован, что также вносит неопределенность в законодательство и правоприменительную практику. Вместе с тем следует признать и согласиться с мнением Н.А. Петрокова, что отсутствие легального определения понятий децентрализованных цифровых активов не явилось препятствием для формирования фактических гражданско-правовых отношений, связанных с ними. [Петраков, 2022]

Заключение

Исходя из сложившихся правовых и научных подходов следует констатировать отставание законодательного регулирования от современных потребностей практики, особенности в части обеспечения имущественных прав владельцев децентрализованных цифровых валют. В Российской Федерации предлагаются и вводятся различные варианты предполагаемого регулирования, но все они могут быть отнесены к разновидностям жесткого регулирования. Исключением являются правовые экспериментальные режимы, являющиеся инструментом мягкого права.

Следует отметить отсутствие согласованного федерального подхода, неопределенность, препятствующие инновациям и потенциальная возможность сдерживания роста из-за нарушений законодательства. Наблюдающееся подавление рынков криптовалют внутри страны, акцент на контролируемых государством цифровых финансах, развитие технологии цифровой валюты ЦБ. Политика чередования прямых запретов и мягкого регулирования, создает рыночную неопределенность и отсутствие четкого законодательства. Создавая благоприятную правовую среду, регуляторные меры должны быть мягкими, оставаться экспериментальными. Мягкое право не только эффективно заполняет пробелы в регулировании «жестким правом», но и обеспечивает институциональную поддержку государствам в преодолении юридической и технологической неопределенности.

Библиография

1. Берджесс Т., Лю Ц. История двух юрисдикций: контраст в регулировании криптовалют в Гонконге и Соединенном Королевстве // Journal of Economic Criminology. 2025. Том 8. С. 100150. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2949791425000260>
2. Гупта Д., Рамбхатери, Рани Т. Изучение факторов, влияющих на внедрение криптовалют в Индии: модераторская роль государственного регулирования // Strategic Business Research. 2025. Т. 1. Вып. 1. С. 100016. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S3051064325000160>
3. Джон В., Ян В. Анализ нормативно-правовой базы Южной Кореи в сфере цифровых активов: от уголовного кодекса до недавно принятого закона о защите пользователей виртуальных активов // Computer Law & Security Review. 2025. Т. 57. С. 106140. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2212473X25000136>
4. Ионцев М.А. Понятие цифровой валюты в российском законодательстве и ее правовая природа // Евразийский юридический журнал. 2025. № 1. С. 237–240.
5. Кавалоски М. Глобальный кодекс поведения в сфере криптовалют: разработка и создание централизованного международного регулирующего органа для децентрализованного актива // Транснациональная юриспруденция. 2024. № 57. С. 301.
6. Криптовалюты в России. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Криптовалюты_в_России

7. Петраков Н.А. К вопросу о сущности криптовалюты // Цивилист. 2022. № 2. С. 19–24.
8. Рахман Д., Рахман Х., Ислам Н., Танчангъя Т., Ридван М., Али М. Нормативно-правовая база блокчейн-активов: анализ факторов, определяющих регулирование NFT и криптовалют // Proceedings of the Benchmarking Council on Criteria, Standards and Assessments. 2025. Т. 5. Вып. 1. С. 100214. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2772485925000274>
9. Соловьева Е. От признания до отрицания: как суды решают дела с криптовалютой. URL: <https://pravo.ru/story/239374/>
10. Степаненко Д.А., Гармышев Я.В. Криптовалюты как предмет и средство совершения преступлений: проблемы квалификации и расследования // Российский следователь. 2025. № 1. С. 32–35.
11. Успенский М.А. Гражданко-правовая природа цифровой валюты в общем и континентальном праве // Закон. 2023. № 9. С. 87–101.
12. Успенский М.А. Криптовалюта как обязательственное право // Закон. 2024. № 10.

Legal Models of Regulation for Decentralized Digital Assets through the Prism of Public and Private Law

Evgeniya S. Sagalaeva

Doctor of Philosophical Sciences,
PhD in Law, Associate Professor,
Department of Civil Law and Procedure,
North Caucasus Federal University,
355009, 1, Pushkina str., Stavropol, Russian Federation;
e-mail: 9624390000@mail.ru

Abstract

The article examines the understanding of decentralized digital assets in legislation and judicial practice. An analysis of various approaches to defining cryptocurrency as a decentralized digital asset, which have become the subject of research in scientific literature, is conducted. The experience of legal regulation in the legislation of individual countries is presented, and both favorable and strict rules governing the circulation of cryptocurrencies are summarized. Particular attention is paid to problematic aspects: uncertainty regarding the civil law status of decentralized digital assets and guarantees for the protection of their owners. The necessity for further scientific and legal development of decentralized digital assets, the formation of a conceptual-terminological framework, and the development of regulation for decentralized digital assets within the framework of legal experimental regimes is emphasized.

For citation

Sagalaeva E.S. (2025) Pravovye modeli regulirovaniya detsentralizovannykh tsifrovyykh aktivov v prizme publichnogo i chastnogo prava [Legal Models of Regulation for Decentralized Digital Assets through the Prism of Public and Private Law]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (12A), pp. 222-229. DOI: 10.34670/AR.2026.24.77.024

Keywords

Money, property, digital asset, decentralized finance, digital currency, cryptocurrency, legal regulation, civil law.

Sagalaeva E.S.

References

1. Burgess, T., & Liu, J. (2025) The history of two jurisdictions: The contrast in the regulation of cryptocurrencies in Hong Kong and the United Kingdom. *Journal of Economic Criminology*, 8, 100150. <https://doi.org/10.1016/j.jec.2025.100150>
2. Gupta, D., Rambhateri, & Rani, T. (2025) Studying the factors influencing the introduction of cryptocurrencies in India: The moderating role of government regulation. *Strategic Business Research*, 1(1), 100016. <https://doi.org/10.1016/j.sbr.2025.100016>
3. Iontsev, M.A. (2025) Poniatie tsifrovoi valiuty v rossiiskom zakonodatelstve i ee pravovaia priroda [The concept of digital currency in Russian legislation and its legal nature]. *Evraziiskii iuridicheskii zhurnal*, 1, 237–240.
4. John, W., & Yang, W. (2025) Analysis of the regulatory framework of South Korea in the field of digital assets: From the criminal code to the recently adopted law on the protection of users of virtual assets. *Computer Law & Security Review*, 57, 106140. <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2025.106140>
5. Kavaloski, M. (2024). Global Code of Conduct in the field of cryptocurrencies: Development and creation of a centralized international regulatory body for a decentralized asset. *Transnational Jurisprudence*, 57, 301.
6. Kriptovaliuty v Rossii [Cryptocurrencies in Russia]. (n.d.). Retrieved from https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Криптовалюты_в_России
7. Petrakov, N. A. (2022). K voprosu o sushchnosti kriptovaliuty [On the issue of the essence of cryptocurrency]. *Tsivilist*, 2, 19–24.
8. Rahman, J., Rahman, H., Islam, N., Tanchangya, T., Ridwan, M., & Ali, M. (2025) Regulatory framework of blockchain assets: Analysis of the factors determining regulation of NFT and cryptocurrencies. *Proceedings of the Benchmarking Council on Criteria, Standards and Assessments*, 5(1), 100214. <https://doi.org/10.1016/j.pbcfa.2025.100214>
9. Soloveva, E. (n.d.). *Ot priznaniia do otritsaniia: kak sudy reshaili dela s kriptovaliutoi* [From confession to denial: How courts resolve cases with cryptocurrency]. Retrieved from <https://pravo.ru/story/239374/>
10. Stepanenko, D. A., & Garmyshev, Ia. V. (2025) Kriptovaliuty kak predmet i sredstvo soversheniia prestuplenii: problemy kvalifikatsii i rassledovaniia [Cryptocurrencies as a subject and means of committing crimes: Problems of qualification and investigation]. *Rossiiskii sledovatel*, 1, 32–35.
11. Uspenskii, M.A. (2023). Grazhdansko-pravovaia priroda tsifrovoi valiuty v obshchem kontinentalnom prave [The civil nature of digital currency in general and continental law]. *Zakon*, 9, 87–101.
12. Uspenskii, M.A. (2024). Kriptovaliuta kak obiazatelstvennoe pravo [Cryptocurrency as a law of obligations]. *Zakon*, 10.